
Великая Победа и советский народ: антропологический анализ

© 2020 г. В.А. Тишков

*Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, 119334, Ленинский проспект, д. 32а.*

E-mail: valerytishkov@mail.ru

Поступила 13.01.2020

Автор счел уместным предложить для републикации статью, опубликованную ранее в малотиражном издании (Ярость благородная... Великая Победа и советский народ (антропологический подход) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2015), поскольку считает, что обсуждавшаяся тема сегодня приобрела острую актуальность. Редколлегия поддержала эту инициативу автора. Предлагается философско-антропологический анализ экзистенциальных аспектов победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Каковы были при сталинском режиме главные факторы мобилизации и консолидации граждан разных национальностей и трудных жизненных судеб? Среди этих факторов: чувство реальной опасности физического существования для многих людей и уничтожения исторической государственности, включая советские этнотерриториальные автономии; вера в превосходство существующего социального строя в результате верхушечной индоктринации и опыта повседневной советизации; принудительный характер мобилизации и дисциплинирования людей на фронте, в эвакуации и т.д. Важными факторами были вера в справедливое, «правое дело» и в неизбежную победу, обращение к прошлому русской истории, защита Родины, а также поощряемая и вызванная опытом ненависть к немецким фашистам. Проявления коллаборационизма и случаи сопротивления Красной армии носили ограниченный и слабый характер, главным образом на недавно занятых территориях. Сегодня Великая Победа превратилась в ключевой фактор национального единения, одну из опор общероссийского патриотизма, и, на мой взгляд, обозначила утверждение концепта кросс-этнической общности – советский народ – как предтечи гражданской российской нации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский народ, патриотизм, национальный вопрос, страдания и потери, эвакуация и переселения, коллаборационизм, пропаганда, чувство ненависти.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–5–19

Цитирование: *Тишков В.А.* Великая Победа и советский народ: антропологический анализ // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 5–19.

The Great Victory and the Soviet People: Anthropological Analysis

© 2020 Valery A. Tishkov

*Institute of ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences,
32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation.*

E-mail: valerytishkov@mail.ru

Received 13.01.2020

This is a philosophical-anthropological analysis of the existential aspects of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945. What were the main factors for mobilization and consolidation of citizens of different nationalities living a difficult life under Stalin’s regime? Among these factors are: a sense of the real danger to physical existence for many people and abandoning of historical statehood, including Soviet ethnoterritorial autonomies; belief in the superiority of the existing social system as a result of mental indoctrination and of everyday practices of “soviet life”; the coercive character of mobilization and disciplining people in a front-line, an evacuation, etc. The important factors were the belief in the “mission of justice” and inevitable victory, an appeal to the past of Russian history, the defense of the Motherland, as well as nurturing from above and on a grass root level a feeling of hate towards German fascists. The manifestations of collaboration and cases of resistance to the Red Army had a limited character and its ethnic parameters expressed mainly in recently occupied territories. The Great Victory became a key factor of pan-Russian (Rossian) national identity, one of the pillars for Russia’s patriotism. It established a concept of a cross-ethnic entity “the Soviet people” as a forerunner for a concept of civic Rossian nation.

Keywords: Great Patriotic war, Soviet people, patriotism, nationalities, sufferings and losses, evacuation and resettlement, collaborationism, propaganda, a feeling of hate.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–5–19

Citation: Tishkov, Valery A. (2020) “The Great Victory and the Soviet People: Anthropological Analysis”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2020), pp. 5–19.

Я родился на Урале в ноябре 1941 г. – самые тяжелые дни Великой Отечественной войны, когда мой отец – младший лейтенант Тишков Александр Иванович сгинул в Уманском котле под Белой Церковью в самом начале войны и провел три с половиной года в немецком плену, а моя мама – Тишкова Раиса Александровна проработала всю войну учителем начальных классов и узнала, что ее муж жив только летом 1945 г. К моменту возвращения отца с войны относятся и мои первые детские воспоминания, особенно его гимнастерка (без орденов!), широкий ремень с портупейей и жестяная коробка трофейных немецких леденцов. Память о переживших войну родителях и о войне, а также нынешние острые дебаты побудили меня написать эту статью.

Начну цитатой из текста «Истоки народного подвига», который мой старший коллега, ныне покойный академик Ю.А. Поляков, подготовил для многотомного труда по истории Великой Отечественной войны. Ю.А. Поляков спрашивает: «Что защищали советские люди?» и дает такой ответ: «Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловила группа взаимосвязанных факторов... Бесспорно, существенную роль сыграли пространства страны, ее огромные материальные и людские ресурсы,

помощь союзников, просчеты противника. Но главная заслуга принадлежит советскому народу. Именно он сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды. На борьбу с германским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР» [Поляков 2014, 58]. Чем же был вызван патриотизм советских людей? Как считает историк и свидетель советской эпохи, вопрос этот в настоящее время чрезвычайно запутан. «Прежние, ставшие стереотипами постулаты о том, что народы СССР защищали “советскую социалистическую Родину”, “идеалы социализма”, в результате распада республик утратили во многом прежнюю убедительность, а новых, достаточно вразумительных ответов пока не дано» [Там же, 59].

За последнее время этот вопрос стал еще более острым, несмотря на завершение названного выше фундаментального труда¹ и появление многих документальных публикаций и монографических исследований о войне. Антропологи эту тему обходили своим вниманием, за исключением, возможно, таких сюжетов, как плен, депортации, военный фольклор [Пушкарев 1995], «окопные» темы. Некоторые социально-антропологические вопросы войны: мобилизации, участие и неучастие, патриотизм и жертвенность, цена жизни и духовные ценности, страдания и сострадание, эмоции и вера – все эти вопросы остаются главным образом доменом художественных осмыслений в литературе и кино. Повседневность войны только недавно стала предметом междисциплинарного подхода [Ковалев 2011; Михайлов, Плампер 2014]. Психологи и социологи не числят эту тему в своем основном репертуаре.

Едва ли кто будет отрицать, что одним из очевидных проявлений национального самосознания советского (российского) народа был гражданский патриотизм в годы Великой Отечественной войны [об этом см.: Аманжолова 2010; Бугай, Зубкова 2012]. Под гражданским патриотизмом мы понимаем чувство сопричастности со страной гражданства, которая обычно и называется Родиной. Причем эта сопричастность в отличие от более широкой категории национального самосознания имеет однозначно позитивные чувства и привязанности, называемые часто «любовью к Родине». Национальное самосознание может охватывать более широкий спектр чувств сопричастности, включая критическое отношение и даже «любовь через ненависть» (В.Г. Белинский: «ненавижу Россию, потому что я ее люблю»). Патриотизм же имеет исключительно позитивный спектр сопричастности, хотя не исключает как критического отношения, так и безоговорочного оправдания типа «Родина всегда права». Последнее особенно свойственно так называемым ультрапатриотам или ура-патриотизму. Патриотизм – это сложный комплекс чувств и эмоций. Он – результат как примордиальных ощущений, связанных с местом рождения и ранней социализацией личности, так и с целевой индоктринацией через воспитательный процесс, пропаганду и разнообразные социально-политические воздействия, включая воздействие во взрослом возрасте. Но в любом случае патриотизм – это важный компонент национальной идентичности, и сам процесс нацистроительства (в его гражданско-политическом смысле) есть утверждение общего представления о собственном народе как нации и связи с ней на личностном и коллективном уровнях².

В случае войны речь идет не просто о патриотизме, а о массовом героизме как коллективном жертвенном поведении во имя потребностей фронта и во имя военных побед. Здесь мы исходим из постулата, что чувство сохранения жизни является первичным по отношению к другим экзистенциальным ситуациям, а сама жертвенность вызвана особым, критическим сочетанием факторов, включая психоэмоциональное состояние личности. Война является именно таким сочетанием факторов, при которых явление коллективной и индивидуальной жертвенности становится почти нормой. Однако не каждая война и не каждая коллективность (в данном случае речь идет о народе) взывают к жертвенности и вызывают ее проявления.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. была чрезвычайной ситуацией внешнего вторжения агрессора на территорию страны, имевшего целью разрушение государства, низведение славянского и другого населения на низшие позиции, физическое

уничтожение представителей некоторых национальностей (евреев, цыган). И хотя в военное время в СССР еще более ужесточился тоталитарный режим партии большевиков во главе с И.В. Сталиным, хотя существовала безграничная власть одной личности и всевластие безжалостных спецслужб, все же есть основания говорить о свободном проявлении лояльности и любви к Родине, чувстве советской общности среди граждан СССР.

* * *

Мы берем период войны как время, выпадающее из нормы существования той или иной нации, когда сама нация подвергается особому испытанию. Известно, что оккупация гитлеровской Германией некоторых европейских стран, например Австрии и Норвегии, фактически привела к разрушению самих институтов государственности и к кризису национальной идентичности граждан этих образований. Послевоенное воспевание австрийского патриотизма через голливудский фильм «Звуки музыки» был в большей степени послевоенным искуплением, чем отражением реального австрийского патриотизма в период войны. Норвегия также могла похвалиться только стойкостью представителей королевской короны, сохранившей власть в эмиграции, но особых проявлений национальной солидарности неизвестно, да и сама норвежская нация консолидировалась только в послевоенное время.

Эти примеры подтверждают, что процесс складывания нации и ее консолидации имеет к этническому составу населения страны далеко не самое прямое отношение. Население довоенной Норвегии было этнически гомогенным (если не считать саамское меньшинство), но общее чувство норвежскости было в нем развито слабо. И другие, уже, казалось бы, сложившиеся европейские нации выбрали (или им уготовили условия войны) разные варианты коллективного поведения перед внешней угрозой. Некоторые, вполне консолидированные и даже примерные гражданские нации (например, французы), предпочли конформизм и официальное сотрудничество с врагом, а власть и население совсем не пребывали в согласии. Другие, менее гомогенные нации (например, британцы) и даже не до конца сложившиеся нации (например, в большинстве своем югославы), наоборот, выбрали жесткое сопротивление и проявили солидарность.

Советский «многонациональный народ» в Отечественной войне – явление во многих отношениях уникальное и, возможно, не до конца еще понятое и объясненное в силу его сложного и радикально меняющегося состава, особой эмоциональной окрашенности темы и ее всегда актуальной политичности. В Советском Союзе патриотизм, как и идея защиты Отечества, имели исторические корни. Они были наследованы от дореволюционного времени, и в своих разных временных и идеологических ипостасях нашли отражение в научном, публицистическом и художественном творчестве³. Но коммунистическая идеология наполнила патриотизм новыми концептами. Большевики отринули прошлое страны как «тюрьмы народов» и как «мир насилия». Они отвергли и разрушили многие культурные и религиозные основы российскости, уничтожив само слово «Россия» в названии страны. Но им удалось в ходе радикальной революции и построения новой советской страны представить ее как «авангард человечества», как «надежду мира». Что касается этнонационального фактора, то к новым идеологическим концептам добавились формулы «союза народов», а уже в годы войны рождается и утверждается концепт «советского народа». И все же отправным моментом при формировании гражданского самосознания служил исторический опыт контактов в целом толерантных по отношению друг к другу представителей российских национальностей, а также последователей разных мировых религий, которым импонировали коммунистическая идея равенства граждан и народов, установление справедливого порядка, а также усилия большевистской власти сохранить страну – историческую Россию.

После образования СССР появляются новые компоненты советского официоза: это «интернационализм», понимаемый как солидарность трудящихся в стране и во всем

мире, а также «дружба народов» как взаимоуважение и сотрудничество представителей разных национальностей. Эти идеологические скрепы были задействованы быстро и эффективно⁴. Уже в довоенный период существенными для формирования солидарности и патриотизма жителей страны становились повседневные социальные и культурные практики. Совместный труд и творчество, обмен хозяйственным и культурным опытом, семейно-родственные связи и привязанности, увлечения и досуг, художественная литература и изобразительное искусство, этика коллективизма – все это создавало основу для чувства принадлежности к «советской Родине»⁵.

Однако в какой мере все это было уже укоренено в обществе, чтобы проявиться в годы войны? Ведь слишком мало времени прошло с момента ухода с исторической сцены старой России, и слишком много страданий и травм уже успел нанести гражданам, целым этническим и социальным группам советский режим, чтобы можно было рассчитывать на отсутствие в СССР антисоветских и антибольшевистских настроений, на якобы полное искоренение идеологии национализма и межэтнических проблем. Отторжение советской власти и идеологии большевизма частью населения имели разную окраску (в том числе этническую и религиозную). Наиболее критические и сепаратистские настроения были среди жителей присоединенных накануне войны территорий, а также среди мусульманской части населения и тех социальных и этнических групп, которые подверглись сталинским репрессиям в 1920–30-е гг., а также в ходе самой войны.

Духовная жизнь в предвоенные годы представляла собой сложное и противоречивое явление. «С одной стороны, за годы советской власти компартии удалось воспитать у советских людей политическую сознательность и преданность идеалам социализма. Советский народ был готов самоотверженно и стойко защищать свое социалистическое Отечество. С другой стороны, говоря о духовной сплоченности советских людей в предвоенные годы, следует помнить, что на морально-политической атмосфере негативно сказывались ускоренная индустриализация, принудительная коллективизация, а также духовное принуждение людей. Произвол и беззаконие, всевластие Сталина породили обстановку подозрительности и недоверия, которая мрачной тенью ложилась на общественное сознание» [Мельников и др. 2014, 273].

Этот вывод созвучен размышлениям Ю.А. Полякова, который, отметив суть гитлеровского плана физического уничтожения самой страны и части ее населения, писал: «Советские люди поняли это уже в самом начале войны. И тогда стало ясно, что большая, единая Родина – не только сумма “малых территорий”». Осознание этого объединило в общей ненависти к врагу и общем порыве людей разного социального происхождения и положения, все нации и народности Советского Союза – русских и казахов, украинцев и грузин, белорусов и узбеков. Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социальной справедливости... В Советском Союзе доминанта общественного настроения, общественного мнения, общественного сознания военных лет представляется несомненной – война против оккупантов справедлива, поэтому необходимо приложить силы для достижения победы» [Поляков 2014, 60]. Большинство народа осознавало необходимость сосредоточения сил для разгрома врага, и об этом свидетельствовало само поведение людей, в котором и проявлялось то самое массовое сознание. «Безусловно, в нем преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя, как уникального тогда в мире жизнеустройства, разделялась большинством населения. Однако неправомерно замалчивать тот факт, как это зачастую делалось ранее, что имело место и иное отношение к войне, которое выражалось по-разному. Например, на оккупированной территории антисоветские и пронемецкие настроения нередко выливались в пособничество и сотрудничество с врагом» [Там же, 61].

О том, что тяготы обычной жизни и жестокости властей вызывали среди части населения, не говоря уже о жителях присоединенных территорий, далеко не всегда патриотические чувства, писали еще в советское время некоторые авторы, главным

образом не историки, а писатели. Как писал К. Симонов, «тогда одновременно существовало словно не одно, а два соседних и разных времени. Одно явное и понятное, с полетами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом – только ступи шаг в сторону – другое время, страшное и с каждым днем все более необъяснимое» [Симонов 1988, 288–289]. Сегодня нам известны многочисленные проявления недовольства и сопротивления власти, особенно на этнической периферии (в Поволжье, на Северном Кавказе, в Средней Азии), а после 1940 г. – на территориях Прибалтики, Украины и Молдавии) [Гатагова и др. 2009].

И все же, население страны в целом принимало основы существовавшего строя. Провозглашаемые идеи, прививаемые населению ценности, действующие правовые нормы, а также формулируемые руководством цели развития страны и задача защиты Отечества были понятны советским людям и одобрялись ими. Можно говорить, что в основе поддержки народом советского строя были социальные и идейно-ценностные основания, а не просто страх и принуждение. Этот вывод поддерживают и некоторые западные историки, несмотря на доминирование среди этой части специалистов по советской истории так называемой концепции сопротивления, то есть всеобщего неприятия населением коммунистического режима. Как считает американский историк Р. Серстон, к началу войны подавляющее большинство советских людей поддерживало режим: «Террор и страх – ядро любого исследования, которое основано на использовании концепции тоталитаризма. Возможно, что значительная часть как немцев, так и русских испытывала страх перед государством. Но он не был определяющим. Действительно, было множество ограничений свободы слова, многие возможности были закрыты для народа, степень принуждения и контроля со стороны правительства и правящей партии была значительной. Но были и такие, кто не боялся государства, было огромное количество тех, кто поддерживал режим в Германии и в СССР» [Thurstun 2009, XX]. Этот историк пришел к выводу, что без лояльного отношения советских людей к власти «трудно объяснить готовность народа добровольно вступать в армию в 1941 г., уровень советской военной экономики, достигнутый в экстремальных условиях, саму победу в целом» [Ibid., 198].

Надо признать, что тезис «школы сопротивления» о том, что советский народ в своем большинстве не разделял ценностей коммунизма, в какой-то степени опирался на документальные публикации 1990-х гг. из советских архивов, ибо их составители и комментаторы сосредоточивались на проявлениях недовольства и протеста среди населения, особенно среди интеллигенции. Как отмечается в одном из сборников статей в серии «История сталинизма», «отчасти данная тенденция была связана с естественным стремлением российских и сотрудничавших с ними зарубежных авторов скорректировать советскую традицию об отношениях власти и народа, несколько преувеличивая ту часть, которая отражала “героические проявления сопротивления режиму”, а также подчеркивала чуждость сталинизма народу, насильственный характер советского режима» [Крумм, Ломагин, Ханов 2012, 13].

Однако в самые последние годы среди обществоведов феномен советскости стал заслуживать более конструктивного отношения, без пренебрежительности к некой «совковости». Дальневосточный историк В.А. Тураев так писал о формировании советской идентичности в годы войны: «В кризисные периоды, а таким периодом была Великая Отечественная война, социальная память вынесла на поверхность и сделала очевидной ценностью чувство “советскости”. В условиях военного лихолетья период довоенной социальной неустроенности стал представляться как лучшее время жизни... Миллионы на фронте и в тылу остро почувствовали себя не столько русскими, украинцами, татарами и т.п., сколько советскими людьми» [Тураев 2016, 131]. Напомним, что в начале 1942 г. в действующей армии, большинство состава которой действительно составляли восточные славяне и представители народов Поволжья, также

находились более 1 млн азербайджанцев, армян, грузин, казахов, киргизов и узбеков, то есть представителей наций союзных республик [Военная энциклопедия 1994, 399].

С точки зрения социальной антропологии, которая обращает особое внимание на роль процесса индоктринации и настроений-эмоций среди людей и коллективов, отмечу одну примечательную черту советского общества 1930–40-х гг., а именно потребовалось всего два десятилетия, чтобы в сознании советских людей через систему образования, общественные организации, средства информации (печать и радио) утвердились главные постулаты марксистско-ленинской идеологии, что социализм должен победить во всем мире, что СССР – это оплот трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров, что миссия страны – защищать угнетенные народы и нести в мир идею равенства и братства людей труда. Этот момент быстрой индоктринации населения огромной страны представляется, конечно, не единичным явлением в истории, но поучительным, особенно для современного мира принципиально новых методов воздействия на массовое сознание и представления людей.

Война изменила демографический облик и этнический состав советского народа. Именно людские потери как очевидное свидетельство цены победы стали наиболее значимым моментом в памяти людей. Эта значимость и вызвала сначала особый контроль со стороны власти за цифрой потерь, не позволяя историкам свободно заниматься этим вопросом. Эта политизация и особая эмоциональная значимость сохраняются и поныне. Акция «Бессмертный полк», начатая в 2012 г. в Томске, в год 70-летия Великой Победы, вовлекла по всей России миллионы участников, в семьях которых хранятся фотографии погибших во время войны или умерших после нее участников. Портреты родных несли и самые молодые граждане страны, и это уже стало одним их «мест памяти» в национальной идентичности россиян. Ясно, что трагический факт грандиозных утрат заслуживает этой коллективной памяти и задача ученых сохранять эту большую тему в нашей исследовательской повестке. Таким образом, все народы СССР, все слои населения страны воспринимали войну против Третьего рейха как войну справедливую, священную, Отечественную. Их сплочение было обусловлено пониманием смертельной опасности, нависшей над страной, над каждым ее гражданином, а образ врага был проникнут ненавистью и «яростью благородной», которая «вскипала, как волна». Это сплочение как одно из мощных проявлений национального самосознания обеспечило победу СССР.

* * *

Послевоенный период в истории советского народа заслуживает своего анализа и с точки зрения процессов в сфере общественного сознания. Мы имеем в виду в данном случае верхушечную идеологию, которая в тоталитарном обществе того времени была важна для формирования устремлений и настроения людей, их ценностных ориентиров. Следует отметить, что в послевоенные годы режим не претерпел принципиальных изменений, и культ личности Сталина обрел труднообразимые масштабы, но что-то существенное изменилось в советском обществе.

Среди части населения сохранялась и переживалась огромная коллективная травма, связанная с насильственными переселениями больших масс людей, включая целые этнические общности. Напомним, что к концу войны на спецпоселения находилось более 1 млн российских немцев (1,5 млн немецких военнопленных – это был совсем другой контингент, также требовавший особого режима и охраны), около 600 тыс. представителей народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы), 91 тыс. калмыков, 183 тыс. крымских татар, 94 тыс. турок-месхетинцев, курдов). К этому следует добавить принудительно переселенных с присоединенных перед войной территорий (Прибалтика, Западная Украина, Молдова). Только с территории Украины было переселено около полумиллиона «неблагонадежных» лиц.

На «освободившиеся» места проживания и на некоторые освобожденные/присоединенные территории (например, территории упраздненных республик Северного

Кавказа и Калининградской области) также по принудительной разрядке переселялось население из центральных районов России, главным образом русское. Огромная страна представляла собой гигантский мигрирующий котел при ужасном состоянии путей сообщения и условий переезда. Не следует забывать, что после окончания войны с Германией значительная часть войск была переброшена на Дальний Восток для войны с Японией, а часть освобожденных военнопленных содержалась в фильтрационных пунктах и освобождалась или отправлялась в заключение после проверок спецорганами.

Тяготы послевоенного времени носили всеобщий характер. Они касались не только жителей территорий, бывших под оккупацией или на линии боев, но и населения территорий, не затронутых военными действиями, не говоря уже о тех, кто был на спецпоселении, в трудармии, а тем более в лагерях. Все это не ослабило, а только усиливало среди жителей страны ожидание улучшений жизни, послабления репрессий, включая возможное возвращение из ссылки. Как пишет Е.Ю. Зубкова, «это ожидание было буквально разлито в обществе: победа породила иллюзии, что жизнь в стране будет меняться к лучшему, и эти надежды часто связывали с возможностью либерализации» [Красовицкая, Тишков 2012, 289].

В ответ последовала некая новая идеология, рождение которой наметилось еще во время войны. Речь идет о концепте советского народа и советского патриотизма, который был своего рода заменой некоему общему слову-символу, которым можно было бы обозначать население государства. Выполнивший обстоятельное историографическое исследование советской полиэтничности екатеринбургский историк Н.Н. Константинов отметил, что стремление утвердить объединяющий разнородное население СССР «имя – символ» относится еще к 1920–30-м гг. [Константинов 2012, 110]. Именно тогда идею «советской нации» формулировали некоторые общественеды, считая ее аналогом концепта «евразийской нации» Н.С. Трубецкого, кстати, также использовавшего термин «советская нация» [Там же, 110; Трубецкой 2000, 493–505]. При этом до войны такого объединяющего термина не было создано, хотя выражение «советский народ» уже существовало.

В годы войны потребность общегражданской (внеклассовой и внеэтнической) мобилизации стала намного актуальней, и на совещании историков в ЦК КПСС летом 1944 г., когда обсуждалась изданная под редакцией академика А.М. Панкратовой «История Казахской ССР», прозвучало мнение, что не всякое национально-освободительное движение на периферии Российской империи было прогрессивным и что присоединение к хотя и слаборазвитой России было меньшим злом, чем подчинение другим капиталистическим и феодальным государствам. Участниками обсуждения было сформулировано любопытное, хотя стилистически неуклюжее, обобщение (слова участника обсуждения Х.Г. Аджемьяна): «Октябрь в самом деле не был выражением воли одного лишь рабочего класса, который был лишь его авангардом, а воли общенациональных интересов обновляющейся России – СССР... На костре классовой борьбы приносятся жертвы-гекатомбы наших *общенациональных народных интересов советского народа* (выделено мною. – В.Т.)» [Юрганов 2011, 292–293; Суня, Мартин 2011]. В этих, не всеми принятых, словах на самом деле прозвучала идея «общенациональных интересов советского народа», то есть советский народ понимался как аналог другим нациям мира.

Известный историк М.В. Нечкина в своем выступлении подняла вопрос об интеграционных процессах в советском народе в еще более «инновационном» плане, предложив считать советский народ некой общностью более высокого уровня, чем нация. Н.Н. Константинов приводит по стенограмме совещания историков следующее интересное высказывание Нечкиной: «Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставленной в науку проблемой – проблемой формирования советского народа. Я думаю, что это вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно встать в порядок дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ – это

не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию» [Константинов 2012, 113].

Это высказывание чрезвычайно интересно, ибо мы имеем дело с первым известным рассуждением о советском народе как некоей целостности нового типа. Через пару десятилетий высказывание облачится в теоретическую формулу «нового типа исторической общности людей». Но то, что оно впервые прозвучало в годы войны на совещании историков в ЦК КПСС и в выступлении известного историка, это настоящее открытие! Более чем вероятно, что после этого совещания (известно, что Сталин и Жданов консультировались с участниками совещания) через несколько месяцев в свой доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1944 г. Сталин включил раздел «Великий подвиг советского народа в Отечественной войне». Именно в этой речи он изложил содержание советского патриотизма, который имеет в своей основе преданность и верность народа своей Родине, братское содружество всех наций нашей страны и т.д. Как заключает Н.Н. Константинов, «идея советского патриотизма оказалась компромиссной между различными позициями в вопросах описания советской общности в той мере, в какой она выступала аналогичной обществам других государств» [Там же, 114]. Компромисс выражался в том, что эта идея могла выступать в качестве символа, с которым мог отождествлять себя любой житель страны, а само выражение было привычным продолжением советской риторики любви к отечеству. Наконец, советский патриотизм не отменял формулу «дружбы народов» и включал признание этнического многообразия СССР, то есть «социалистических наций».

Одновременно с новым концептом привносились в общественный дискурс неоимпериальные ценности, идеи великодержавия. Вместе с погонами и суворовскими, нахимовскими училищами (по подобию кадетских корпусов) наука и культура стали прославлять имена полководцев и правителей страны, включая «строгих, но справедливых» Ивана Грозного и Петра I. При этом идеология советского патриотизма, несмотря на попытку Сталина разыграть «русскую карту» своим тостом на приеме в Кремле, имела не этнический, а государственно-патерналистский характер. Она имела целью не столько борьбу против национализма внутри страны, сколько противодействие западному влиянию. Неслучайно, в стране вскоре началась кампания против «пресмыкательства перед границей», против низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и западной буржуазной культурой. Но скоро логика ужесточения политического режима распространилась и на «буржуазных космополитов» и «местных националистов». Партийные чистки и репрессии особо затронули такие республики, как Грузия и Эстония. Националисты стали чем-то наподобие троцкистов – главными врагами партии и народа. Не ограничиваясь отдельными регионами, Сталин и его окружение затеяли грандиозное дело против советского еврейства, которое тянулось с 1948 по 1952 г. и закончилось расстрелами и тюремными заключениями 110 человек, включая убийство в 1948 г. председателя Еврейского антифашистского комитета С.М. Михозла. Осуществлению следующей провокации против советских евреев в форме «дела врачей» помешала смерть Сталина.

В условиях массовой истерии и антисемитизма в стране одновременно развернулась идеологическая кампания по утверждению среди граждан советского патриотизма. Партийные идеологи, а также часть ученых-обществоведов стали активно разрабатывать тему патриотизма. В это дело включились ведущие историки страны. Академик Е.В. Тарле написал биографию Наполеона, в которой показал величие Бородинской битвы и русского оружия, кстати, не отступив от высоких научных стандартов. Неслучайно книга Тарле была переведена на десятки языков и пользуется спросом до сих пор. А.М. Панкратова опубликовала историческую работу на тему

патриотизма [Панкратова 1949], и за ней последовали многие другие. В тогдашней идеологии патриотизма были заложены некоторые компоненты национальной идентичности советских людей, которые служили делу гражданской солидарности почти полвека вплоть до распада СССР, а некоторые сохранились и до сих пор в формате общероссийского патриотизма.

Это прежде всего идентификация граждан СССР как советских людей, то есть членов единой общности: «К какой бы национальности ни принадлежал гражданин СССР, он прежде всего – советский человек, сын социалистического отечества, творец новой, социалистической жизни» [Васильев, Хрустов 1950, 308]. Это – возвеличивание победы в Великой Отечественной войне как подтверждения верного курса партии во главе со Сталиным. Только со временем, уже в конце 1960-х гг., героический миф о Великой Победе станет олицетворять подвиг народа и его способность защищать Родину от внешних врагов. Это – восприятие пространства страны как великой ценности и гордости: СССР представлялся советским людям как «одна шестая мира» «от Балтики до Курильских островов, от северных льдов до песков Средней Азии» [Там же, 309]. Как отметил Н.Н. Константинов, «в общем идея советского патриотизма была прагматичной... В ней содержался символ для обозначения тождественности гражданина СССР со своей страной, но окончательного шага на пути к формулированию идеи “советской нации” сделано не было. В тех случаях, когда было необходимо рассматривать население СССР как политическое целое, использовалось выражение “советский народ”. В то же время по своей структуре идея советского патриотизма соответствовала критериям национальной лояльности» [Константинов 2012, 114–115]. Более того, именно в этот достаточно «глухой период» с точки зрения развития общественной мысли и состояния массового сознания мы обнаруживаем, что идея советского патриотизма дополняется идеей «советской национальной гордости», которая не подменяла «национальную гордость» каждого из советских народов, а была общей для всех жителей СССР.

* * *

«Конструирование смыслов» о войне является предметом философско-антропологического анализа. И с этого ракурса зрения следует признать радикальное воздействие войны на идеологию, воззрения и практики советского режима и его граждан. Это включает даже само название столь грандиозного и травматического события как «Великая» и «Отечественная». Война изменила общество и государство, его физические очертания, состав населения и многое другое, включая ментальности. С одной стороны, она как бы оправдывала сам по себе эксперимент большевистской революции 1917 г., но, с другой стороны, она собою почти полностью затмила этот период и нейтрализовала миф революции, связанные с ним идеи всемирного единения пролетариата без этнических и других границ. Как пишет Амир Вайнер, «...миф о войне, отчасти возникший “естественным” путем, отчасти созданный советской пропагандой, оттеснил на второй план мифологию революции, гражданской войны, коллективизации. В то же время победа в Великой Отечественной войне как бы легитимизировала большевистскую революцию, оправдывала принесенные ранее жертвы» [Weiner 2001, 7].

По-новому была изложена сама идея советской общности как «братской семьи народов» на основе «морально-политического единства». Война вынудила людей по-новому ощутить себя в обществе, взять на себя новые роли «фронтовиков», «ветеранов», «тружеников тыла», «пособников» и т.п. «Прошедшие войну» полководцы, офицеры и просто солдаты выстраивали собственные солидарные связи. Отсылка к боевому опыту, к солдатской дружбе стала означать не меньше, чем социально-профессиональная или местнически-клановая близости. Отсылка тыловых работников и колхозников к тяжелым испытаниям войны помогала им заявлять о своих нынешних проблемах и интересах. Бывшие партизаны создавали собственные товарищества, в том числе с целью утверждать свою собственную «правду войны». В республиках трогательно

подсчитывали лиц определенной национальности среди награжденных боевыми орденами, высшими званиями и наградами. Эти данные отслеживали и государственные органы. Среди Героев Советского Союза было более 8 тысяч русских, более 2 тысяч украинцев, 311 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 91 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, а также граждане других национальностей [Военная энциклопедия 1994, 399]. Этим как бы отстаивались славные версии участия «своей нации» в победе над Германией, утверждался вклад этнической общности в Великую Победу.

Амир Вайнер прав, когда пишет, что «война навсегда разделила советскую историю и жизнь людей на две отличительные эпохи. Неудивительно, что событие такого масштаба вызывает и разные интерпретации среди даже самих советских граждан... Но все они согласны в том, что война обозначила высшую точку в развитии идеи самой социалистической революции, а именно, получили одобрение среди постоянно меняющихся методов достижения конечной цели построения гомогенного и гармоничного общества» [Weiner 2001, 7]. Такими целями стали своего рода очищение от всяких «нежелательных элементов» и идеологических колебаний в пользу «единства партии и народа» и их всяческого прославления. Это была, по словам А. Вайнера, линия на «конструирование послевоенной советской нации» (the making of a postwar Soviet nation) [Ibid., 237].

Приведем примечательную цитату из установочной книги о советском патриотизме, в которой речь идет о «советском как национальном»: «Источник *советской национальной гордости* (курсив мой. – В.Т.) – в глубоком понимании советскими людьми превосходства социалистического общественного строя над буржуазным строем, нашей плановой экономики – над капиталистической экономикой, советской культуры – над буржуазной культурой, морали социалистического общества – над звериной моралью капитализма, превосходство советского человека – над любым, даже самым высокопоставленным чинушей в капиталистических странах. Это не обычная национальная гордость, которая свойственна всем народам и которая была присуща и нашему народу до Октябрьской социалистической революции. Советская национальная гордость – это гордость высшего порядка» [Васильев, Хрустов 1950, 416].

Таким образом, после войны в центре оказалась борьба советской власти за «чистоту» и единство советского общества. Конечной целью должно было стать свободное от противоречий «гармоничное» общество. Групповые и личные интересы должны были быть подчинены общим, а «нездоровые» элементы удалены из общества. Сохраняющаяся социалистическая утопия продолжала руководствоваться некими общими принципами вне сугубо экономических или социальных расчетов. Советский социализм продолжал заключать в себе определенную эстетику, стремление к гармонии, к тому, что и стало определяться как «морально-политическое единство». Все то, что мешало «морально-политическому единству», должно было устраняться или переделываться. Включая не только отдельных индивидуумов, но и социальные или этнические группы. В своей рецензии на книгу Вайнера российский историк Олег Будницкий вслед за американским историком справедливо отметил, что «миф о войне занимает уникальное место в истории советского государства. Он способствовал его единению, впервые предложив нечто, способное интегрировать в советское общество прежде исключенные из него группы. Миф о войне способствовал созданию новых “контуров” государства. В то же время он пережил само его существование, будучи “приватизирован” политическими элитами новых государств» [Будницкий 2007 web].

Быстрое восстановление разрушенной войной страны и заметное улучшение жизни советских людей, включая и население союзных республик, конец тоталитаризма в его наиболее открытой форме создали в СССР ситуацию, которая требовала сплочения народа уже не «вокруг вождя», а вокруг нового интеграционного концепта для разнородного населения. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была изложена идея формирования «советского народа», которая через несколько лет обрела более «изящное», но научно

несостоятельное добавление «как нового типа исторической общности людей». Нужно сказать, что расшифровать тогдашние интеллектуальные поиски советских политиков-теоретиков не очень просто, но ясно, что сталинское определение нации довлекло над мышлением при самоописании «кто есть мы».

Пропаганда и даже статистика небезосновательно утверждали, что в СССР произошла социальная интеграция пространства и сложилась единая хозяйственно-экономическая система, но сохранялись различия в языке и в культурных традициях разных групп населения. Отсюда сохраняли свою живучесть и фундаментальные клише «многонациональности» и «дружбы народов». Из рассуждений тогдашних кремлевских вождей и идеологов мы видим, что для советского понимания нации в его сугубо этническом смысле было трудно воспринять идею сложного и соподчиненного существования данного феномена, а точнее – обозначения двух разных сообществ (как форм самосознания/идентичности) одним словом и вытекающим из этого «комбинированным национализмом» (выражение Н.С. Трубецкого). Эта ситуация методологического тупика в использовании категории национального сохранялась на протяжении позднесоветского времени⁶, а нынешние дебаты политиков и экспертов о содержании концепта российского народа иногда напоминают трудно рассуждающих обитателей кремлевских кабинетов полувековой давности. Продолжающийся кризис понимания заключается в том, что исторический российский (до 1917 г.) / советский (до 1991 г.) / российский народ (после 1991 г.) как солидарная общность прошел через многие драмы и геополитические катаклизмы, сохраняет свое многообразное единство, отстоял свой суверенитет в жестокой войне с германским фашизмом и трогательно чтит память об этой Великой Победе. Вот только в ансамбле великих наций мира российские просвещенные эксперты никак не могут самокатегоризоваться именно в национальном формате, оставляя этот формат за внутренними этническими группами, а саму Россию предпочитают квалифицировать в размытых геополитических и публицистических терминах.

* * *

Президент В.В. Путин однажды высказал сожаление, что по вопросам большой стратегии «после смерти Махатмы Ганди и поговорить не с кем». И это было более чем адресное сожаление, ибо именно Махатма Ганди, а после него Джавахарлал Неру и Индира Ганди, положили в основу строительства государственности в полиэтничной и полной регионально-религиозных конфликтов стране объединяющую идею индийской нации, и эта «идея Индии» [Khilnani 1998] именно как форма самосознания (идентичности), а не как некая формируемая культурно-гомогенная целостность, сохраняет эту страну уже много десятилетий и способствует ее динамичному развитию. Этому рецепту успешно следуют фактически все крупные страны с культурно-сложным населением, получив в подкрепление недавнее подтверждение, что именно «нации-государства», а не некие мировые правительства, континентальные союзы или цивилизации остаются главными формами социальных коалиций людей, способными преодолевать разного рода кризисы (от пандемий до экологии и экономики). Почему в современной России после ухода концепта «советский народ» как формы идентичности не удастся в полной мере вернуть в экспертный язык и в общественную практику исторически давний, более чем достойный и единственно возможный для всей страны концепт «российский народ», представляется даже не загадкой, а недоразумением (недостатком разума). По крайней мере, в тексте Основного закона страны даже после внесенных в него недавних поправок эта фундаментальная самоидентификация так и не появилась. Так что российский национальный проект как интеллектуальный вызов остается в философско-антропологической повестке, и Великая Победа 1945 г. – опора и условие этого нашего главного «домашнего задания».

Примечания

¹ К нашей теме прежде всего относится 10-й том [Журавлев и др. 2014].

² О нации и идентичности см.: [Тишков 2013].

³ См. мои рассуждения в книге «Российский народ...», а также книги, изданные к 200-летию Отечественной войны 1812 г. и 1150-летию российской государственности в рамках целевого конкурса РГНФ, особенно [Строганов 2012; Буганов 2012]. Одними из первых этнологов эту тему в аспекте русского этнического самосознания начали разрабатывать М.М. Громыко и ее ученики [Громыко, Буганов 2007].

⁴ О рождении «дружбы народов» как концепта см.: [Мартин 2011; Аманжолова 2010; Красовицкая, Тишков ред. 2012].

⁵ По антропологии советскости имеется солидная литература. См., напр., историографический обзор [Кип, Литвин 2009]. Среди работ отечественных и зарубежных авторов см.: [Лившин 2010; Орлов, Юрчикова 2010; Суни, Мартин 2011; Фицпатрик 2011].

⁶ См. мои ранние статьи в «Вопросах философии», которыми было положено начало до сих пор незаконченной ревизии «нации и национального» [Тишков 1995, 1998].

Источники – Primary Sources in Russian

Васильев, Хрустов 1950 – *Васильев Н.П., Хрустов Ф.Д.* (под ред.) О советском патриотизме. М.: Госполитиздат, 1950 [Vasiliev, Nikolay P., Khrustov, Fedor D. *On Soviet Patriotism* (in Russian)].

Панкратова 1949 – *Панкратова А.М.* Великое прошлое советского народа. М.: Воениздат, 1949 [Pankratova, Anna M. *The Great Past of the Soviet People* (in Russian)].

Симонов 1988 – *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1988. [Simonov, Konstantin *Through the Eyes of a Person of My Generation* (in Russian)].

Тишков 1990 – *Тишков В.А.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 3–15 [Tishkov, Valery *Social and National in Historic and Anthropological Perspective* (in Russian)].

Трубецкой 2000 – *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000 [Trubetsky, Nikolay S. *The legacy of Genghis Khan* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Аманжолова 2010 – *Аманжолова Д.А.* Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.: Общее и особенное // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Голден Би, 2010.

Бугай, Зубкова 2012 – *Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю.* Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е годы) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012.

Буганов 2012 – *Буганов А.В.* (ред.) Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года. Тула: Гриф и К, 2012.

Будницкий 2007 web – *Будницкий О.* Сотворяя смысл войны // booknik.ru/yesterday/all/sotvoryayamysl-voynuy/

Военная энциклопедия 1994 – *Военная энциклопедия.* В 8 т. Т. 2: Вавилония – Гюйс / Гл. ред. комиссии П.С. Грачев и др. М.: Воениздат, 1994.

Гатагова 2009 – *Гатагова Л.С. и др.* (сост.) ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009.

Громыко, Буганов 2007 – *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.

Журавлев и др. 2014 – *Журавлев С.В. и др.* Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014.

Кип, Литвин 2009 – *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009.

Ковалев 2011 – *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011.

Константинов 2012 – *Константинов Н.Н.* Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Репрезентация политического сообщества. Екатеринбург: Гриф, 2012.

Красовицкая, Тишков 2012 – *Красовицкая Т.Ю., Тишков В.А.* (отв. ред.) Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М.: Новый хронограф, 2012.

- Крумм, Ломагин, Ханов 2012 – Крумм Р., Ломагин Н.А., Ханов Д. (сост.). Образ Другого – страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М.: РОССПЭН, 2012.
- Лившин 2010 – Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
- Мартин 2011 – Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Мельников и др. 2014 – Мельников С.А. и др. Советское общество. 1920–1941 гг. Цивилизационный феномен: Исследования. Документы. М.: Гриф и К, 2014.
- Михайлов, Плампер 2014 – Михайлов Н.В., Плампер Я. (отв. ред.). Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014.
- Орлов, Юрчикова 2010 – Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН, 2010.
- Поляков 2014 – Поляков Ю.А. Истоки народного подвига // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / Сост. В.Б. Жиромская; отв. ред. В.А. Тишков, Ю.А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2014.
- Пушкарев 1995 – Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М.: ИРИ РАН, 1995.
- Строганов 2012 – Строганов М.В. (ред.) Война 1812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы. Тверь: СФК-Офис, 2012.
- Суни, Мартин 2011 – Суни Р.Г., Мартин Т. (ред.) Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Пер. с англ. В.И. Матузовой. М.: РОССПЭН, 2011.
- Тишков 1995 – Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нацистроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17.
- Тишков 1998 – Тишков В.А. Забыть о нации: (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
- Тишков 2013 – Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тураев 2016 – Тураев В.А. Великая Отечественная война как фактор формирования советской идентичности // Неоконченная война – незаживающие раны; сб. научных статей. Владивосток: Рея, 2016. С. 125–140.
- Фицпатрик 2011 – Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России в XX веке. М.: РОССПЭН, 2011.
- Юрганов 2011 – Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

References

- Amanzholova, Dina A. (2010) “Patriotic Rise of Peoples in the Fight Against Fascism in 1941–1945: General and Special”, Bugay, Nikolay F. (ed.) *Patriotism – a Component of the State National Policy of Russia: Theory, Practice*, Golden Bi, Moscow, pp. 143–190 (in Russian).
- Buganov, Alexander V. (ed.) (2013) *The Historical Memory of the Russian People About the Patriotic War of 1812*, Grif I K, Tula (in Russian).
- Bugay, Nikolay F., Zubkova, Helena Yu. (2012) “Ethnopolitics During the Great Patriotic War and in the Post-War Period (1941–1960)”, Krasovitskaya, Tatyana, Tishkov, Valery A. (eds.), *Ethnic and Religious Factors in the Formation and Evolution of the Russian State*, New Chronograph, Moscow, pp. 263–331 (in Russian).
- Fitzpatrick, Sheila (2011) *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-century Russia*, Princeton University Press, New Jersey (Russian Translation).
- Gromyko, Marina M., Buganov, Alexander V. (2007) *On the Views of the Russian People*, Palomnik, Moscow (in Russian).
- Keep, John, Litvin, Alter (2009) *Stalinism in Russia. Modern Historiography*, ROSSPEN, Moscow (Russian Translation).
- Khilnani, Sunil (1998) *The Idea of India*, Penguin Books, London.
- Konstantinov, Nikolai N. (2012) *The Soviet Union of 1944–1991 in Historiography. Representation of the Political Community*, Grif, Yekaterinburg (in Russian).
- Kovalev, Boris N. (2011) *Everyday Life of the Russian Population During the Nazi Occupation*, Molodaya gvardya, Moscow (in Russian).
- Krasovitskaya Tatyana, Tishkov, Valery A. (eds.) (2012) *Ethnic and Religious Factors in the Formation and Evolution of the Russian State*, New Chronograph, Moscow (in Russian).

- Krumm, Reinhard, Lomagin, Nikita A., Khanov, Denis (eds.) (2012) *The image of the Other is the Baltic States and the Soviet Union before the World War II*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Livshin, Alexander Ya. (2010) *Sentiments and Political Emotions in Soviet Russia: 1917–1932*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Martin, Terry (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*, Cornell University Press, Ithaca (Russian Translation).
- Melnikov, Sergei A. et al (2014) *Soviet Society. 1920–1941 Civilization Phenomenon: Research. Documents*, Grif I K, Moscow (in Russian).
- Mikhailov, Nikolay V., Plamper, Yan (ed.) (2014) *Little People and Big Wars in Russian History, mid-19th – mid-20th Centuries*, Nestor-Istoriya, Saint-Petersburg (in Russian).
- Orlov, Igor B., Yurchikova, Helena V. *Mass Tourism in Stalin's Everyday Life*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Polyakov, Yuri A. (2014) “The Origins of the People’s Feat”, Zhiromskaya Valentina B., Tishkov Valery A., Petrov Yuri A. (eds.), *World Through the Eyes of a Historian: in Memory of Academician Yuri Alexandrovich Polyakov*, IRI RAN, Moscow (in Russian).
- Pushkarev, Lev N. (1995) *On the Roads of War. Memoirs of a Front-line Folklorist*, IRI RAN, Moscow (in Russian).
- Stroganov, Michael V. (ed.) (2012) *The War of 1812 and the Concept of Fatherland. From the History of Understanding State and National Identity in Russia: Research and Materials*, SFK-Ofis, Tver (in Russian).
- Suny, Ron G., Martin, Terry (eds.) (2001) *A State of Nations: Empire and National-Making in the Age of Lenin and Stalin*, Oxford university press, Oxford (Russian Translation).
- Thurston, Robert W. (1996). *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*, New Haven.
- Tishkov, Valery A. (1995) “What is Russia? Prospects for Nation-Building”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (1995), pp. 3–17 (in Russian).
- Tishkov, Valery A. (1998) “Forget the Nation: Postnationalist Understanding of Nationalism”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (1998), pp. 3–26 (in Russian).
- Tishkov, Valery A. (2013) *Russian People: the History and Meaning of National Identity*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Turaev, Vadim A. (2016) “The Great Patriotic War as a Factor in the Formation of Soviet identity”, *Unfinished War - Non-Healing Wounds*, Rhea, Vladivostok, pp. 125–140 (in Russian).
- Weiner, Amir (2001) *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*, Princeton University Press, Princeton and Oxford.
- Yurganov, Andrew L. (2011) *Russian National State: the Life World of Historians of the Stalinism*, RGGU, Moscow (in Russian).
- Zhuravlev, Sergei V. et al. (2014) “State, Society and War”, *The Great Patriotic War of 1941–1945: In 12 vols*, 10, Kuchkovo Pole, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ТИШКОВ Валерий Александрович – академик, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН.

Author’s information

TISHKOV, Valery A. – full member of the Russian Academy of Sciences, Head of History and Philology Division of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.